

СЕГОДНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕНЬ ТЕАТРА

КОГДА УХОДЯТ ЗРИТЕЛИ...

— Чем глубже уходишь в Чехова, например, — делится она своими мыслями, — тем больше открываешь, находишь настоящий клад. То же самое у Алексея Толстого.

Только что гремели аплодисменты. В последний раз хлопнула входная дверь, и в театре поселилась тишина. Здесь она особенная. Эта тишина глубокая и, может быть, чуть-чуть таинственная, она таит в себе, как сокровищница, годами накопленные яркие мысли и постоянно разгрывающиеся на сцене яркие страсти.

По-разному воспринимают эту тишину актеры. Одни любят ее, она открывает им некоторые тайны и, порой, помогает решить казавшиеся непреодолимыми задачи. Другие торопятся уйти от этой тишины к людям — к зрителям, к своим товарищам, чтобы в беседах и спорах определить истину. Но так или иначе, когда уходят зрители, «сотворение» образа, творческий поиск не только не прекращаются, а скорее становятся еще интенсивнее, еще напряженнее.

Когда затихает театр, Вера Николаевна Кондрина, боясь потревожить то, что еще живет в ее душе после спектакля, тихонько выходит на сцену. Она любит вглядываться в глубину этого темного зала, любит пустые, освобожденные от декораций подмостки. Она приходит сюда, чтобы вновь пережить все, что пережила в этот вечер, чтобы все представить заново.

— Я не согласна с теми, кто на большого зрителя играет по особому, — говорит Вера Николаевна. — Нет, если роль захватила, «носишь» ее в себе, живешь ею, углубляешь ее до тех пор, пока играешь. Артист не может расстаться со своим героем.

И поэтому в тихом ночном зале она все повторяет вновь, поэтому многое передумает, медленно идя домой знакомыми улочками. В такие минуты ее герои приобретают необходимые для обрисовки характера черты. Одна из последних ролей Веры Николаевны — мать в «Балладе о пылающем факеле». Казалось, уже все продумано, все решено и закончено. Но где искусство, нет границ для совершенствования. В одной такой вот молчаливой беседе со зрителем артистка поняла, что слезы ее героини во время обыска не только мешают восприятию других образов, но и делают женщину, причастную к борьбе революционеров, менее сильной, и изменила свое поведение в этой сцене.

...Зрители разошлись по домам, обсуждают спектакль или видят уже свои сны, а Нина Константиновна Туманова все еще переживает подвиги своей Лизки из «Баллады о пылающем факеле» или судьбу Касатки из одноименной пьесы А. Толстого. Лизка Туманова за время спектакля проходит четырнадцатилетний путь. И актрисе нужно показать эволюцию героини, найти верные черты, отличающие Лизку каждого нового периода от предыдущей. Молодой, недавно пришедшей в театр актрисе это нелегко. И еще трудней создать образ такой далекой для наших дней героини, как Касатка. Нина Туманова любит классику.

Было трудно, но Туманова искала этот клад. У каждого и в разных случаях свой метод поиска. Она разметила каждый этап в жизни своей героини. И вышло, что нужно создать 12 разных Касаток. Но как? Это решала Нина Константиновна и еще до репетиций, и перед спектаклем, что-то и во время его хода, а кое-что...

— Чувствую, что для меня роль, но знаю, что пока не довела ее, не завершила. Это обидно, но работа продолжается.

И продолжается она, когда уходят зрители. Усталая артистка садится перед зеркалом, чтобы снять грим, но все еще живет чувствами, порывами, мыслями и поступками своей героини. И оживает одна, другая сцены, и она видит себя глазами зрителя, как самый требовательный критик подмечает свои промахи.

И все-таки Нине Тумановой больше по душе уходить из театра вместе со зрителями, затеряться в их оживленном потоке, послушать их мнение о спектакле, а иногда и услышать от незнакомых людей их признательное и теплое «здравствуйте».

Для подвижного, темпераментного, непоседливого Виктора Колобова тоже реакция зрителя — компас. И ему важна не только, так сказать, массовая реакция зала, но и высказывания, размышления отдельных людей. Издавна существует формула: зритель всегда прав. По поводу безоговорочности этой формулы можно спорить, может быть, не все артисты придерживаются этой концепции, но в данном случае она вполне оправдана. Артист убежден, что зритель сознательно идет в театр, надеясь увидеть, понять, прочувствовать что-то важное и очень нужное ему. И если его надежды обмануты, значит вина в этом артиста.

Сколько раз менялась интонация, жест, взгляд, паузы у Леры Козина в «Конармии», трудно передать все варианты подачи монолога Леры—Колобова «Явись, Настя, любовь моя, явись ко мне, красному бойцу...»

— Я должен постоянно мыслить сам и заставлять мыслить зрителя, — говорит Виктор Колобов.

...Искусство — дело тонкое. У каждого его представителя — свои творческие методы, свои заветные тропки к сердцам людей. Но ни у одного из них нет и никогда не будет покоя.

Н. ГУЛЯНСКАЯ.